

Асакура Хао созерцал стоявшего перед ним мужчину. Демоническая сила гостя, безграничная и величественная, дышала на удивление чистой, морозной свежестью; в серебряных лучах луны он сам казался чистым сотканием света.

Абэ-но Сэймэй платил ему тем же, внимательно разглядывая юного мастера онмёдо. Хао выглядел совсем юношей, однако обрёл могущество, с которым приходилось считаться даже величайшему из магов. Но куда больше Сэймэя поражало иное: этот юноша, казалось, был способен без остатка раствориться в окружающем мире, слившись с самой природой.

Матерью великого онмёдзи была небесная лисица-тенко, когда-то бежавшая в Японию из Поднебесной. Отец Сэймэя нашёл её, тяжелораненую, под сенью дикого кудзу и нарёк Кудзунохой. Имя — это кратчайшее из заклятий, и для ёкаев оно имеет священную важность. Подобную тайну нельзя доверять человеку, а потому лисица безропотно приняла это имя как собственное.

Вскоре они полюбили друг друга, и плодом их союза стал ребёнок, названный Сэймэем.

Прошли годы, и имя Абэ-но Сэймэя сделалось подлинным синонимом слова «онмёдзи». Память о его великих деяниях должна была пережить века, запечатлённая на страницах хроник.

Однако не так давно, стремясь ускорить обучение своего преемника, Сэймэй слишком часто прибегал к запретному искусству, отделяя душу от телесной оболочки. Он и представить не мог, что хрупкое равновесие в столице пошатнётся, и одна за другой из тени начнут выползать грозные силы, совладать с которыми было непросто даже ему. Конечно, рядом оставались верный Асия Доман и старший соратник Камо-но Ясунори, но годы последнего уже клонились к закату. Что же касается Домана — при всей своей добродетели тот смыслил в дворцовых интригах прискорбно мало. Каждое его действие балансировало на грани дозволенного, едва не нарушая священные границы терпения вельмож. Сэймэй попросту не осмеливался возлагать на него серьёзные поручения, справедливо опасаясь, что, избавив Хэйан от демонической угрозы, беспечный Доман прорубит невосполнимую брешь в отношениях с правящей знатью.

А ведь последние полгода Асакура Хао — единственный из молодого поколения, на кого действительно можно было положиться — отсутствовал в столице. Сэймэю приходилось тянуть эту лямку в одиночку, расплачиваясь остатками собственных сил.

Чтобы черпать духовную силу в состоянии бесплотного духа, Сэймэй нещадно расходовал собственную жизненную энергию. В конце концов пламя его жизни почти угасло. Но в тот миг, когда он уже стоял на пороге небытия, его мать, Сёка, принесла себя в жертву. Она вложила в его грудь своё сердце — Небесный Кристалл тенко, вернув сына к жизни.

Покидая этот мир, мать улыбалась. Её кровная месть свершилась, а сын, которого едва ли можно было назвать образцом почтительности, наконец открыл сердце её любви. И всё же...

Сэймэя душила неизбывная скорбь.

Кем бы она ни была, как бы редко они ни виделись прежде, Сёка оставалась его матерью. Единственной и неповторимой.

Поглощённый горем, он не замечал, как принятый им Небесный Кристалл начал перестраивать его суть.

Когда пелена печали спала, было уже слишком поздно. Процесс перерождения из полукровки-ханьё в истинного, чистокровного тенко завершился. Сэймэй осознал это лишь тогда, когда изменения стали необратимыми. С грустной улыбкой он разглядывал в зеркале серебряноволосого юношу, силясь отыскать выход из сложившегося положения.

Обретение природы тенко сорвало покровы со многих тайн, ускользавших от его человеческого взора.

Всплыли воспоминания об ужасном мятеже одиннадцатилетней давности. В те дни Сэймэй отсутствовал в столице, но, спешно вернувшись в Хэйан, он успел застать отголоски трагедии.

Созданный из живой плоти исполинский шикигами-оками пронзил когтями хрупкое тело отрока в алом каригину. Однако юноша не выказал и капли страха. Напротив, он безумно расхохотался, исторгая из глубин собственного естества легионы злобных духов, которые заживо сожрали чудовищного шикигами.

Сэймэй тогда бросился вперёд, толком не понимая, что пытается сделать — им двигало лишь отчаянное предчувствие беды. Но дорогу ему преградил Ибараки Мандзай, придворный предсказатель из Ондана. Пользуясь суматохой, старец вынес истерзанного мальчишку из руин алтаря. А наутро... наутро память всех свидетелей оказалась стёрта. Люди начисто позабыли о гибели Хамоти Тадагу, а в уцелевшем прорицателе Мандзае внезапно стали видеть самого покойного главу клана.

Даже сам Сэймэй пал жертвой этого наваждения.

Лишь переродившись в тенко, он наконец узрел скрытую от смертных правду. Это открытие потрясло его до глубины души. Ему не терпелось узнать, какую невероятную печать наложил Асакура Хао, раз сумел переписать восприятие целой столицы.

И теперь, когда настало время сбросить земную личину Абэ-но Сэймэя, он сразу же вспомнил об Асакуре Хао и его непостижимом искусстве.

Великий онмёдзи вглядывался в лицо стоящего перед ним юноши. Хао дышал умиротворением и покоем — ничто в его мягком облике не напоминало того безумного подростка, исходившего кровью на разрушенном алтаре.

Простояв в молчании несколько долгих мгновений, Асакура Хао покачал головой и заговорил первым:

— И что же, тебе удалось побеседовать с преемником?

Сэймэй тихо рассмеялся:

— Разумеется. Этот юноша — дальний родственник моей семьи. Его зовут Абэ-но Харуаки.

Хао удивлённо приподнял бровь:

— Харуаки?

— Именно. Звучит точь-в-точь как моё имя, если читать его по исконному японскому обычаю, — Сэймэй лукаво сощурился. — Забавно, не находишь? В конце концов, мне ведь тоже далеко не сразу позволили именоваться Сэймэем.

Дабы имя его не созвучало с величанием императора — «Священным Правителем», — молодому онмёдзи в своё время строго предписывалось использовать лишь скромное японское чтение «Харуаки». Лишь много позже, в знак признания неоценимых заслуг, государь милостиво позволил величать его на благородный китайский манер — Сэймэем.

— Но самое интересное в другом, — заговорщически понизил голос Сэймэй, продолжая представлять своего избранника. — Матушка этого юноши тоже принадлежит к лисьему племени. Её зовут Хагоромо-гицунэ.

Хао негромко вздохнул:

— Хорошо. Через несколько дней я вернусь в столицу. Если к тому времени в Хэйане не объявится кто-то с запредельно мощной духовной силой, я смогу наложить плетение, которое изменит восприятие горожан.

Сэймэй прикрыл широким рукавом лёгкую усмешку:

— Оставьте скромность, господин Асакура. В поднебесном мире вряд ли сыщется мастер, способный превзойти вас в искусстве плетения чар.

— И всё же не стоит недооценивать судьбу, — Хао пригубил вино из пиалы. — Если столица лишится покровительства Абэ-но Сэймэя, Хэйан неминуемо погрузится в хаос. А если это случится... — он бросил тёплый взгляд на своего спутника, — моему ученику придётся несладко.

Фурукава Сюань, никак не ожидавший, что разговор столь внезапно повернёт в его сторону, удивлённо захлопал глазами, но не посмел вставить ни слова.

Сэймэй от души рассмеялся, и в его смехе скользнуло облегчение.

До этой встречи в глубине его души таилось смутное опасение: не вернётся ли Хао к прежнему безумию после кончины Ибараки Мандзая? Однако теперь, видя, какими крепкими, нежными узами юноша привязан к своему ученику, Сэймэй успокоился.

Пока эти узы держат его в мире смертных, Асакура Хао никогда не причинит вреда Хэйану. Великий онмёдзи знал: в умении читать чужие сердца ему равных нет.

Хао лишь снисходительно качнул головой и осушил пиалу до дна.

Стоило серебряному силуэту тонко раствориться в ночной прохладе, как очарование, сковавшее сад, мгновенно рассеялось. Время вновь обрело свой ход: ветерок тронул застывшую гладь пруда, по воде побежали мелкие круги, а из ветвей послышалась сонная переключка птиц. Окружающий мир возвращался в привычное русло.

— Учитель?.. — наконец шумно выдохнул Сюань, чувствуя, как спало давившее на плечи напряжение.

— Ты ведь слышал всё, о чём мы говорили? — не оборачиваясь, тихо спросил Хао. В его руках тихонько звякнул кувшин, вновь наполняя пиалу.

— Да, учитель... Скажите, господин Абэ-но Сэймэй действительно... переродился в ёкая? — Сюань робко заглянул ему через плечо. В Ондане давно шептались, будто в жилах великого мастера течёт лисья кровь, но увидеть истинное величие тонко воочию оказалось испытанием не для слаонервных.

— Верно. Он стал ёкаем. Притом одним из тех верховных владык, пред чьей волей трепещут легионы духов, — Хао сделал ещё один глоток, и голос его прозвучал обманчиво ровно.

Сюань не знал, к чему ведёт наставник, однако в глубине души верил, что даже в облике демона Сэймэй останется защитником людей.

«Даже если Сэймэй стал ёкаем, он ведь не причинит никому зла? Вот если бы учитель вдруг признался, что сам рождён чудовищем... Наверное, я бы тоже ни капли не удивился. Ну... почти не удивился бы».

Уловив краем сознания очередную нелепую мысль, рождённую буйной фантазией ученика, Хао не выдержал. Весь его таинственный и грозный вид мгновенно испарился. Смеясь и сокрушённо качая головой, он обернулся и легонько потрепал Сюаня по макушке:

— Перестань забивать голову глупостями. Я лишь... немного сочувствую его доле.

— Всё в порядке, учитель. Что бы ни случилось, я всегда буду рядом, — Сюань преданно заглянул в глаза наставника.

Он прекрасно понимал, какие чувства бередили душу Хао. Великий Абэ-но Сэймэй, опутанный долгом перед родом и дворцовыми интригами, был вынужден стереть саму память о своём земном бытии. И всё же Сэймэй без колебаний пожертвовал именем ради покоя близких и ради того, чтобы его внук вырос достойным преемником. Разве это не доказывало, что узы семьи оставались для него бесценным сокровищем?

«После того как учитель постиг законы природы, от него веет странной отрешённостью... Будто он в любой миг может обратиться ветром и растаять без следа. Но если бы я только мог...»

Сюань и сам толком не понимал, чего желает сильнее всего. Ему отчаянно хотелось стать сильнее — настолько, чтобы уверенно идти рука об руку с Асакурой Хао, а не просто вечно тянуться вслед за его ускользающим силуэтом. Вот только зачем ему эта сила и что он станет делать, когда обретёт её, юноша пока не знал.

Не успел Сюань додумать, как ладонь наставника с силой взъерошила его волосы — да так крепко, что он невольно зажмурился, гадая, не рассердил ли чем-то учителя.

Уткнувшись носом в колени, он не видел, какой нежной, искренней улыбкой осветилось лицо Асакуры Хао.

Спустя минуту Сюань, бережно приглаживая растрёпанные пряди, тихо спросил:

— Если мы возвращаемся в столицу, как быть с двумя вашими спутницами?

— Оставь их здесь, — Хао покачал головой и, заметив недоумение на лице ученика, мягко пояснил: — Здесь они в безопасности. В Хэйане же их жизнь превратится в непрекращающийся кошмар.

— Понимаю, — Сюань покорно кивнул, а затем вновь вспомнил недавнего гостя. — И всё же господин Сэймэй теперь невероятно силен... От одной его ауры мороз шёл по коже.

— Он действительно великий тенко, — загадочно протянул Хао, устремив взор к звёздам. — И всё же перед лицом первозданной природы даже его мощь — лишь песчинка.

«И почему после того, как учитель постиг законы природы, он набрался этого странного пафоса?..»

Сюань обеспокоенно вздохнул про себя, но не успел развить мысль — откуда ни возьмись выскочил пушистый кот и с разбегу наступил ему лапой прямо на лицо.

<http://bllate.org/book/18244/1748207>